

**Н. Ф.
ФЕДОРОВ**

Узбранное

Николай Федорович Федоров

Страшный суд философии

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2695465*

Аннотация

«...Столь долго ожидаемый христианством Страшный суд наконец наступил! Явился неумолимый лжесудия, в лице кенигсбергского профессора Канта с несколькими судьями или лжесудьями низшего порядка, вроде Контов и Миллей. Европейское и американское интеллигентное человечество признало суд его правым и осуждение – справедливым и до сих пор не опротестовывало его судебных приговоров...»

Николай Федорович Федоров

Страшный суд философии

Столь долго ожидаемый христианством Страшный суд наконец наступил! Явился неумолимый лжесудья, в лице кенигсбергского профессора Канта с несколькими судьями или лжесудьями низшего порядка, вроде Контов и Миллей. Европейское и американское интеллигентное человечество признало суд его правым и осуждение – справедливым и до сих пор не опротестовывало его судебных приговоров. А между тем он осудил всех или все высшее на тесное тюремное заключение; всему же низшему дал свободу. Сентенции, которые он произносил над знаниями, делами и произведениями человеческими, он называл не «суждениями» (кроме суждений об искусстве), а обыкновенно «критиками», хотя мог бы прямо назвать тюрьмами, подобно тому, как религию он назвал религией в тюремных, очень узких пределах чистого разума, ибо и самый «чистый» разум он осудил на вечную тьму неведения, незнания, то есть низвел разум в Аид, в Гадес, в место, лишенное света.

В еще более узкие пределы поставлен несчастный практический разум. Практический разум не только позволяет, но и требует повелительно, «императивно» делать добро, од-

нако с обязанностью не уничтожать зла. [При такой постановке практического разума] можно с уверенностью сказать, что врата рая не одолеют ада! Разрешая людям их мелкие делишки, законодатель практического разума не говорит об одном общем, великом деле, а союз для этого дела – Церковь – допускает единственно лишь по-староримски, лишь юридически...

Ложь или ограниченность философии Канта заключалась в отрицании или непризнании *общего дела*, в отрицании, являющемся предрассудком, свойственным сословию, обреченному на одно мышление.

Критика религии осудила догматику, потому что в нравственном богословии Кант не видел общего дела, то есть предметом нравственного богословия не было общее дело, или, короче, догматы не были заповедями.

Практический разум не уничтожал зла в мире, потому что не допускал общего дела, а только действия в одиночку. Он знать не хотел действия *всех* разумных существ на *всю* неразумную силу, хотя обе силы, природа разумная и неразумная, в отдельности [взятые] были лишь частями, а не составляли целого. [Между тем] если бы *весь* мир стал предметом управления *всех* разумных существ, то и суждения о *целом* мире были бы уже синтетическими суждениями а priori.

[Наконец,] критика художественного разума не была общим делом воссоздания, то есть не требовала воссоздания того, что разрушено неразумною силою, а ограничивалась

суждением эстетическим и телеологическим, забывая, что и красота, и целесообразность – произведения не слепой силы, а разумной, и притом совокупной.

Противоречие, антиномия разумных существ и неразумной силы не разрешится, пока разумные (*разумно мыслящие*) существа не станут *разумно действующими*, то есть пока не объединятся два разума, теоретический и практический, а с ними и третий – художественный и религиозный. [Только таким образом] устранится противоречие разумного и неразумного, лежащее внутри самой природы, как приходящей, но еще не пришедшей в сознание.